— Простите, — пробормотал Гарри, — я пытался поговорить с некоторыми эльфами, кажется, до встречи с вами. Они не очень обрадовались. Так было проще, и, наверное, я просто хотел хоть раз побыть… нормальным.Леголас слегка нахмурился, его и без того печальные глаза стали еще более грустными.— Все в порядке, — поспешил заверить Гарри, заметив реакцию эльфа. — Правда. Тогда много чего происходило, и я их немного… удивил.Нахмуренные брови эльфа стали еще более выразительными.— Я полагаю, что действия лучше любых извинений, — произнес Леголас, его голос звучал твердо и уверенно. — Как для меня, так и для моего народа. Я с нетерпением жду момента, когда смогу показать тебе истинность своих слов.Он посмотрел на Гарри серьезным взглядом, медленно протягивая руку.— Я могу? — его пальцы, тянущиеся погладить кончики перьев Гарри, несли в себе немое приглашение.Гарри склонил голову в знак согласия, застыв, когда мягкие пальцы эльфа осторожно коснулись его перьев. Он не помнил, когда в последний раз кто-то прикасался к нему, и когда его трогали в ответ. От руки эльфа исходило еле уловимое тепло, и Гарри захотелось раствориться в нем.Слишком быстро пальцы исчезли. Но на лице Леголаса осталась легкая улыбка, когда он пожелал Гарри спокойной ночи, и сердце Гарри, впервые за долгие годы, почувствовало облегчение, пока сон медленно уносил его в свои объятия.Сладостный зов сирены не заставил себя ждать. Гарри ворчал и ворочался во сне, его сны переходили от счастливых дней с Роном и Гермионой к одному из самых подавленных воспоминаний. Темная, промозглая камера надвигалась на него с ощущением неизбежности, и Гарри почувствовал, как его ноги прикованы к земле, когда воспоминание настигло его. В камере пахло рвотой и кровью, медный запах был настолько густым, что, казалось, застывал в горле Гарри, как сироп. В подземельях Малфой-мэнора было холодно, но у Гарри были более насущные заботы. Он закрыл глаза, пытаясь отгородиться от всех ощущений, кроме ровного биения сердца. Пожиратели смерти могли вернуться в любую минуту со своим Лордом на буксире. Гарри не думал, что на этот раз ему удастся сбежать. Он был избит, без чувств и без всяких уловок. Кроме, возможно, одного.Чтобы завершить превращение в Анимага здесь, потребуется чудо - первый раз всегда был самым трудным, и Гарри не удалось разгадать своего внутреннего зверя в гораздо более благоприятных условиях. У него чесался нос, но Гарри это не беспокоило. Он изо всех сил замедлил дыхание, считая вдохи и выдохи, пока биение сердца не заглушило все остальные звуки. Он вошел в то необычное состояние сосредоточенного бездумья, которое Снейп так старательно пытался вбить ему в голову все эти годы. Он сосредоточился внутри себя, следя за очередным вдохом, который поднимался в его груди и превращался в следующее ровное биение сердца. Он направил свой разум глубже, пытаясь найти первобытные инстинкты, которые так долго дремали, ища животное сердцебиение, которое соответствовало бы его собственному.Сердце заколотилось, дыхание стало прерывистым. На лбу выступил пот, блестевший наперекор холодному подземному воздуху. Боль разлилась по груди, и все вокруг стало горячим. Дышать было больно, как и в прошлый раз, но Гарри терпел боль. Он должен был - это был его последний шанс. Пламя разрасталось в его сознании, поджигая каждый нерв. Гарри пытался дышать, но кислород улетучивался из его легких, а огонь стремился поглотить все на своем пути. Он попытался закричать, но лишь проглотил еще больше пламени. Его сердце сжималось, а затем сделало последний, вялый толчок. Последней мыслью Гарри перед тем, как его поглотил огонь, была мысль о том, увидит ли он снова своих родителей и Сириуса.Воспоминания пронеслись в его голове, слишком быстро, чтобы разобрать какой-то один образ, но достаточно, чтобы понять, что именно он чувствует, а что нет. Наконец, одно из них выделилось - высокий крик, за которым последовали тягучие слова, произносившие заклинание почти как ласку: "Авада Кедавра". Сердце Гарри замерло в зеленом свете. Следующий удар раздался спустя долгое мгновение.Гарри открыл затуманенные глаза и увидел, что мир превратился в феникса. В отличие от предыдущих ночей, когда одно воспоминание исчезало, сменяясь новым, в этой появилось сразу два. Они переплетались друг с другом, размывая действия, а потом к ним добавилось ещё одно воспоминание, и ещё, и ещё, пока воспоминания не обрушились на разум Гарри, как волна. Все события и эмоции

смешались вместе и образовали в голове Гарри огненный вихрь. Он не мог его контролировать. Он собирался сойти с ума от тяжести воспоминаний, которые всё росли и росли. Это было слишком; Гарри не мог упорядочить, не мог контролировать свои воспоминания. Сейчас он искал убежища в центре своего разума, который был единственной спокойной зоной, похожей на глаз урагана. Видения проносились мимо него, изредка расступаясь, чтобы он мог увидеть свою несбывшуюся надежду - хранилище Гринготта, в котором хранились его худшие воспоминания. Его металлические корпуса разлетелись на части. Запечатать его не было никакой возможности. Ветер усилился, и Гарри почувствовал, что его неумолимо затягивает в клубящийся хаос.Леголас проснулся от неожиданности. Мир по-прежнему был погружен во тьму, и, взглянув на небо, он увидел, что звезды почти не изменили своего положения. Его внимание привлекло движение, и он оглянулся, чтобы увидеть, как Затмение на минуту вздрогнула. Впервые он видел, чтобы птица спала так близко от них, да еще и на земле. Эклипс вздрогнул еще сильнее и издал низкий клокочущий звук. Что-то было не так. Леголас бросился к нему. Феникс, казалось, крепко спал, но тихие звуки продолжались. Эльф неуверенно протянул пальцы к птице, пытаясь прошептать успокаивающее.— Это всего лишь сон. Проснись, мой друг, — сказал он. Его пальцы мягко касались перьев птицы, пытаясь вернуть ее в настоящее. Но Эклипс продолжал вздрагивать и дергаться, не просыпаясь. Леголас придвинулся ближе, почти обнимая птицу. Его шепот превратился в тихую колыбельную, которую пела его мать, когда ему снились кошмары. Постепенно он почувствовал, как бешеное сердцебиение птицы начало успокаиваться. Внезапно Эклипс зашевелился. Он судорожно повертел головой, пытаясь понять, кто его держит, и опустился, увидев Леголаса.— Спасибо, что разбудил меня, — сказал он тоненьким, хрупким голоском. Леголас почувствовал, как у него защемило сердце. Он и не подозревал, насколько страшными были кошмары.— В любое время, — ответил он, еще раз крепко сжав птицу, чтобы уверить ее в том, что он находится в стране бодрствующих.Нежно проведя пальцами по пушистым перьям, он прошептал: — Если ты когда-нибудь захочешь поделиться…Птица, словно отрицая его слова, покачала головой. — Пожалуйста, просто… обними меня? — прошептал Эклипс, голос его был хриплым от невысказанных чувств. Они провели остаток ночи в молчаливом объятии, плечо к плечу, дожидаясь рассвета. Солнце, словно благословение, поднялось над горизонтом, окрасив небо в нежные краски нового дня.

http://tl.rulate.ru/book/102871/3569408